

У ИСТОКОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: КОНТРОВЕРЗА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Х. АРЕНДТ В ВОПРОСЕ О ВСЕМИРНОМ ЗНАЧЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020.

Рассмотрена проблема всемирности славянской идеи и предназначения России, сформулированная Ф.М. Достоевским (очерк «Пушкин» и пояснения к нему в самом последнем выпуске «Дневника писателя»), и ее трактовка как предтечи тоталитаризма Ханной Арендт. Проведены параллели приемов аргументации с аналогичным конструктом К. Поппера. Показаны историко-политический и идеологический контексты появления самой идеи, ее критики в обстановке холодной войны и выход на современность.

Ключевые слова: Достоевский; Арендт; славянская идея; всемирность; тоталитаризм.

Семьдесят лет назад в Нью-Йорке известным политологом и философом Ханной Арендт была закончена работа над рукописью книги «Истоки тоталитаризма» (*The Origins of Totalitarianism*), посвященной анализу, поиску параллелей и обобщению в конструкте «тоталитаризм» нацистского и советского режимов. Фактически с выходом данной книги сам концепт «тоталитаризм» был поставлен на службу идеологии и породил целые направления в изучении природы данного явления. Методологически представляемая статья на основе сравнения текстов Арендт и Достоевского и подключения других источников данного периода ставит задачей показать, как на службу идеологии были поставлены научные произведения. Игнорирование фактов и редукция текстов критикуемого источника, генерализация выводов, что было общим у Арендт и Поппера, позволили придать видимость науки конструктам (или «антиутопиям»), политические цели которых не утратили значения и поныне.

Мотивы исследователя Арендт – беженки из Третьего Рейха – носили еще и характер личных переживаний. По подсчетам Ханса Кастендика, более трех тысяч ученых-обществоведов бежали от нацизма (см.: [1. С. 109]). Само начало работы над книгой, совпавшее с поражением режима Гитлера в 1945 г., способствовало не только анализу явления нацизма постфактум, но и сравнению его с советским строем. Так что фактически научный (и идеологический) конструкт был готов к первому акту холодной войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Составными частями данного конструкта в доказательной логике Х. Арендт стали антисемитизм, национализм (национальное государство), империализм. Изначально в поисках «корней» фигурировали такие страны, как Франция и Англия, прошедшие путь от национальных государств до мировых империй. На обочине империалистической экспансии и создания заморских колоний Арендт помещает пандвижения, отличающиеся своими континентальными притязаниями. Это пангерманизм и панславянство. Как видим, нетрудно, зная ответ относительно двух форм тоталитаризма – нацизм и сталинизм, подогнать условия решения задачи или, точнее, подобрать доказательную базу к уже вынесенному вердикту. И глава

«Континентальный империализм: пандвижения» открывается следующим предложением: «Нацизм и коммунизм обязаны пангерманизму и панславизму больше, чем любой другой идеологии или политическому движению» [2. С. 307].

И с этого момента мы будем говорить о вольных или невольных искажениях понятия «славянская идея» в работе Х. Арендт. Теология пандвижений, по ее мнению, имевшая в своей основе веру не в божественное происхождение человека, а собственного народа, «сохранила значительное влияние на развитие тоталитарных движений» [2. С. 321]. Это влияние проистекало из того, что национальность, с одной стороны, понималась постоянным качеством, не зависящим от истории, а с другой – такая трактовка национальности снимала социальные, экономические, психологические различия «между членами этого народа».

Здесь возникает ряд вопросов к логике автора. Выступая против иерархии наций, построенной на расистской, дарвинистской или божественной основе, Арендт сама несколькими страницами ранее разделила народы на исторические и неисторические. Историчность первых укладывалась в триединство «народ – территория – государство» [2. С. 319]. Что касается вторых, то сказано было так: «Если эти народы хотели сравниться в национальной гордости с западными нациями, то за невозможностью предъявить ни своей территории, ни государства, ни исторических достижений они могли указывать лишь на самих себя, и это значило в лучшем случае – на свой язык (словно бы язык сам по себе уже был достижением), а в худшем – на свою славянскую, или германскую, или Бог знает какую душу [2. С. 318–319].

В контексте вышеприведенного рассуждения обращение к позиции Достоевского не является случайным шагом. Отсутствие конкретных планов завоевания мира не означало отсутствия притязаний на всемирность влияния. «...Они создавали вездесущее настроение полного превосходства, всепонимания и прикосновенности ко всем делам человеческим, настроение «всечеловека», как однажды выразился Достоевский» [2. С. 311]. Здесь вполне уместно поставить вопрос в духе проводимого сегодня форума о соотношении глобального и тоталитарного, а так-

же о единой системе мер и подходов к идеям и явлениям, что продолжают оставаться актуальнейшими проблемами в условиях новой редакции холодной войны, новых волн экспансии, злободневных вопросов нациестроительства. Имя Достоевского было хорошо известно на Западе, поэтому упоминание его в качестве идейного предтечи сталинизма показалось автору уместным. Вместе с тем сама Арендт высоко ценила талант Достоевского, называя его «великим писателем» [3. С. 191]. Надо заметить, что Арендт была не одинока. Не простым совпадением является выход в 1945 г. также книги Карла Поппера «Открытое общество и его враги», где ответственность за тоталитарную идеологию (и практику) была возложена на древнегреческого философа Платона и его продолжателей Гегеля и Маркса. При этом и Поппер считал Платона великим. Для нас тема Поппера является побочной, поэтому лишь сошлемся на ключевые для интересующихся сопоставлением с концепцией Арендт главы 6 и 10 первого тома «Открытого общества». Однако обратим внимание на пояснение мотивов написания книги, которые в своего рода «пояснительной записке» адресованы Поппером русским читателям в 1992 г. Итак: «Она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина, которых пакт 1939 г. сделал на время союзниками. Моя неприязнь к этим именам столь велика, что я ни разу не упомянул их в “Открытом обществе”. В этой книге я решил проследить историю, приведшую к возникновению гитлеризма, и обратился к учению великого философа Платона – первого политического идеолога, мыслившего в терминах классов и придумавшего концентрационные лагеря. А фигура Сталина побудила меня обратиться к изучению философии Карла Маркса» [4. С. 7]. В подобном квазиретроспективном исследовании с подгонкой решения под ответ детали только мешают. Это заметно даже по письму к русским читателям. На восьми с половиной страницах автор показывает пренебрежение общеизвестными историческими фактами: предшествующая пакту 1939 г. предательская позиция Англии и Франции в Судетском вопросе («мюнхенский сговор», где, кстати, СССР, выступил на стороне Чехословакии вплоть до обязательства поддержать военным участием в защите ее суверенитета); последующее (в этом же сентябре 1939 г.) подписание соглашения с Гитлером о ненападении (со стороны премьеров Великобритании Чемберлена и Франции Даладьё); очевидный трюк по притягиванию Платона к вине за идею концентрационных лагерей с игнорированием исторического факта, что реальные первые концлагеря были созданы для галичан, русинов, буковинцев за их пророссийскую позицию именно на родине Карла Поппера, в Талергофе и Терезине, уже в сентябре 1914 г., в самом начале Первой мировой войны: «...Австро-венгерские власти создали первые в Европе концентрационные лагеря Талергоф в Штирии, Терезин в Северной Чехии и другие. Эти концлагеря были предвестниками нацистских концлагерей Дахау, Освенцима, Трешлинка» [5. С. 71]. Однако Платон велик, поэтому и был удобен для Поппера.

Вернемся к собственно конструкту Ханны Арендт с ее логикой становления наций у исторических и «неисторических» народов. Автор «Истоков», с одной стороны, пишет про великий энтузиазм, который «наполнял сердца героев Французской революции, вместе с французской нацией освобождавших все народы всех цветов, кто только находился под французским флагом» [2. С. 233]. Арендт дает характеристику революционной Франции как стране «впервые создавшей национальное государство и любящей все человечество» под лозунгом братства [2. С. 233]. В подобной же ситуации панславизму с центром в России приписывается отношение к славянам (народам «неисторическим») как к «братьям меньшим», отказ во всепонимании и прикосновенности ко всем делам человеческим, обвинение в амбициях «всечеловека». Негативная трактовка образа «всечеловека» является одной из ключевых, как и идея всемирности, в доказательстве протототалитарности, поэтому нуждается в более детальном обращении к источникам.

Поскольку Арендт не пользовалась русскими оригинальными источниками, то нередко смысл последних искажался. В данном случае вывод делался по эссе Ханса Кона «Постоянная миссия: эссе о России» [6]. Анализ статьи Кона показывает, что сама по себе его работа была добротной попыткой системного изложения русских литературных и идейно-политических течений XIX столетия, при этом оставаясь всего лишь эссе, занимающим двадцать с небольшим страниц.

Ф.М. Достоевский фактически единожды (специальный том «Дневника писателя» 1881 г., где автор поясняет идею и основные пункты речи о Пушкине, публикует ответ на критику А.Д. Градовского, нами не учитывается) употребил конструкт «всечеловек», а точнее «вырастил» его из центральной темы всечеловеческого значения гения А.С. Пушкина именно в речи «Пушкин». Обращаясь к ней, посмотрим, вне какого контекста Арендт было взято это слово. Достоевский, выделяя периоды в творчестве великого русского поэта, особо останавливается на последнем, третьем, где гений Пушкина поднимается до проникновения во всемирные проблемы. Эту глобальность Достоевский назвал «способностью к всемирной отзывчивости», определяя в дальнейшем как национальную черту нашего народа. Видя потенциал народа, проникаясь народностью в своем творчестве, Пушкин является не только поэтом, но и пророком: «...Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк» [7. С. 721].

В продолжение своих рассуждений о всемирности Достоевский дает панораму истории, соединяющей Европу и Россию, поставив в центр этого процесса фигуру Петра Великого. Сделаем отступление от текста речи «Пушкин», чтобы показать, как на деле Достоевский, выступая от имени русской интеллигенции, относился к Французской революции, носителям

идей свободы, равенства и братства, чью позицию Арендт фактически противопоставила панславистам. Проследим за логикой Достоевского, он переходит к той самой формуле глобальности поворота, совершенного не только Царем, но и Поэтом, поворота, принятого народом, как новые горизонты своей судьбы: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» [7. С. 722]. Как мы видим, в братстве со всеми людьми нет ни малейшего намека на предтечу тоталитаризма.

На фоне величия этого подвига и величия задач, которые стоят перед народом и ее духовными вождями, имея перед глазами собратьев – единомышленников и оппонентов, – Достоевский снижает тон: «О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [7. С. 722]. С большой долей вероятности мы можем подтвердить, что тема «Россия и Европа» была адресована Достоевским именно духовным вождям славянофилов и западников. Но и не только. В частности, он повторил свою позицию в беседе с французским дипломатом Мельхиором де Вогюэ (см.: [8. С. 545–557]). Россия не обочина Европы. Здесь Достоевский поднимает проблему истории российско-европейских отношений: «Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, Вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой?» [7. С. 722].

Актуальное звучание в речи Ф.М. Достоевского имеет фактическое обращение к потомкам, к нашей с вами современности: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей рус-

ской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову Евангельскому закону!» [7. С. 722–723]. Специальный выпуск «Дневника писателя», вышедший на второй день после Достоевского [8. С. 555], можно рассматривать как своего рода завещание и как итог тридцатилетней борьбы писателя не просто за имидж, как сказали бы сегодня, не за доброе имя, а за равноправие России в семье европейских народов. Как писал Гришин, Достоевский начал свою борьбу, когда уже существовали «научно обоснованные» теории о неполноценности русских и славян в целом, закончившиеся теорией «унтерменшей» и оправданием необходимости уничтожения миллионов славян [9. С. 91].

В заключение отметим, что в схему Х. Арендт просто обязаны были уложиться «понятия германизированной Центральной Европы и русифицированной Восточной и Южной Европы», которые «послужили отправными точками для планов подчинения мира нацизму или большевизму» [2. С. 311]. «Славянская идея» Ф.М. Достоевского была исключительно авторским конструктом – утопичным в деталях, но пророческим в целом, что и показывает современность [10]. Согласимся с мнением А. Эткинды о работе Х. Арендт: «Утопии не бывают вполне реализованы; антиутопии не бывают объективны. Это не отменяет значения тех и других. “Истоки тоталитаризма” есть антиутопия, одна из многих подобных попыток, известных XX в., и самая развернутая. Как любая антиутопия, книга рассказывает об ужасах осуществления определенного утопического проекта, в данном случае двух; как любая антиутопия, она полна преувеличений; как любая антиутопия, она подлежит суждениям пользы и красоты в большей степени, чем суждениям исторической правды» [11]. В целом же два нравственно-идеологических конструкта не только на литературном, но и на идеологическом фронте определили картину мира целых поколений, воспроизводясь и сегодня в новом витке холодной войны, затронувшей практически все сферы человеческого общежития. Поэтому, показав процедуру редукции и игнорирования фактов как метод научного фундирования идеологий, мы предлагаем ревизовать те положения, которые ныне воспринимаются как постулаты, и критически исследовать «дополненную наукой» реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kastendiek H. Political development and political science in West Germany // The development of political science: A comparative survey/ ed. by D. Easton, J.G. Gannell L. Graziano. N.Y. : Routledge, 1991. P. 108–126.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Арендт Х. Религия и политика // Политическая концептология. 2017. № 2. С. 189–204.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М. : Феникс ; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
5. Суляк С. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 69–75.
6. Kohn H. The Permanent Mission: An Essay on Russia // The Review of Politics. 1948. Vol. 10, № 3. P. 267–289.
7. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 2. М. : Книжный клуб 36,6, 2011. С. 434–450.
8. Гус М. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1971. 592 с.
9. Гришин Д.В. Достоевский – человек, писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн : Мельбурнский университет, 1971. 369 с.

10. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 54. С. 292–302.
11. Эткин А. Из измов в демократию: Айн Ранд и Ханна Арендт. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/12/etkin-pr.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 21 июня 2019 г.

At the Dawn of the Cold War: F.M. Dostoevsky VS H. Arendt in the Question about the World Value of the Slavic Idea

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 445, 78–81.

DOI: 10.17223/15617793/445/10

Alexey I. Shcherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shai52@mail.ru

Keywords: Dostoevsky; Arendt; Slavic idea; universality; totalitarianism.

This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020.

In order to pose the problem of identifying features of the design of the frame “totalitarianism”, the article analyzes one of these cases, namely, how the authoritative philosopher Hannah Arendt used Dostoevsky’s statements about the universality of the Slavic idea and views on the purpose of Russia in the changing world to prove Pan-Slavism as the source of totalitarianism in its Russian version, just like she called Pan-Germanism a source of Hitlerism. The present article compares the ideological techniques of Arendt and Karl Popper, since their works became the scientific rationale for fight against totalitarianism and, as a consequence, as a frame, against Russia. The analysis of this frame was conducted based on the comparison of the texts of Arendt’s *The Origins of Totalitarianism* and Dostoevsky’s essay “Pushkin”. In his text, Dostoevsky uses the concept *vsechelovek* (“all-man”) and gradually builds it out of the universality (universal significance) of Pushkin’s poetry, the European history of Russia beginning with the reforms of Peter the Great, and finally destinations of Russia and the Slavic world in Europe. In her book, Arendt puts forward an artificial division into “historical” (England, France) and “non-historical” (Slavic) peoples, which actually proclaims the moral superiority of the former (Great French Revolution) as the desire for the liberation of humanity and love for it and gives a negative assessment of exactly the same trends in the pan-Slavic movement of the latter. The article reveals the causes for it, both political, i.e. making conditions fit an answer (Soviet totalitarianism is a product of Pan-Slavism), and technical, i.e. ignorance of the original text of the work and taking the phrase “all-man” from a secondary source. The authors made a conclusion about the typicality of the political and ideological conditionality of works of this kind based on a comparison of Arendt’s *The Origins of Totalitarianism* and Popper’s *The Open Society and Its Enemies*, which were used as one of the reliable, i.e. science-based, argument for dissolution of the USSR and one of the most important elements of the modern anti-Russian frame. Agreeing with D.V. Grishin’s research work on *The Diary of a Writer*, the authors show that Dostoevsky’s almost thirty-year-long struggle for Russia’s place in the family of European nations is still relevant today. A return to the archetypes of first- and second-rank peoples in both the past and the present raises serious concerns due to the stability of the frame and the historical “experience” of using political recommendations built based on constructing theories.

REFERENCES

1. Kastendiek, H. (1991) Political development and political science in West Germany. In: Easton, D., Gannell, J.G. & Graziano, L. (eds) *The development of political science: A comparative survey*. N.Y.: Routledge. pp. 108–126.
2. Arendt, H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. Translated from English. Moscow: TsentrKom.
3. Arendt, H. (2017) Religion and politics. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2. pp. 189–204. (In Russian).
4. Popper, K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The open society and its enemies]. Vol. 1. Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyy fond “Kul’turnaya initsiativa”.
5. Sulyak, S. (2008) Talergof i Terezin: zabytyy genotsid [Thalerhof and Terezin: a forgotten genocide]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 69–75.
6. Kohn, H. (1948) The Permanent Mission: An Essay on Russia. *The Review of Politics*. 10 (3). pp. 267–289.
7. Dostoevskiy, F.M. (2011) *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [The Diary of a Writer: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Knizhnyy klub 36,6. pp. 434–450.
8. Gus, M. (1971) *Idei i obrazy F.M. Dostoevskogo* [Ideas and images of F.M. Dostoevsky]. 2nd ed. Moscow: Khudozh. lit.
9. Grishin, D.V. (1971) *Dostoevskiy – chelovek, pisatel’ i mify. Dostoevskiy i ego “Dnevnik pisatelya”* [Dostoevsky: a man, a writer and myths. Dostoevsky and his “The Diary of a Writer”]. Melbourne: University of Melbourne.
10. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the Slavic world in The Diary of a Writer by F.M. Dostoevsky. *Rusin*. 54. pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17
11. Etkind, A. (2000) *Iz izmov v demokratiyu: Ayn Rand i Khanna Arendt* [From -isms to democracy: Ayn Rand and Hannah Arendt]. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/12/etkin-pr.html>. (Accessed: 12.02.2019).

Received: 21 June 2019